

ОТ АВТОРА

Жанр литературной биографии удобен и одновременно неудобен для автора. С одной стороны, ничего не надо выдумывать, сюжет жизни героя им же самим и написан — бери и пользуйся. А с другой — кабала, потому что ни убавить, ни прибавить. Иное дело даль свободного (то бишь художественного) романа: ни персонажи не властны над автором, ни он над ними. Всем памятен возмутительный случай, когда героиня (она звалась Татьяна) «удрала штуку» — не спросясь у своего создателя, взяла и вышла замуж.

Если же всерьез, то Борис Фирсов — трудный объект для биографа. И трудный как раз тем, что история его жизни — беспримесный non-fiction, где всё до жути узнаваемо, а верится не сразу. Возможно, потому, что историй не одна, а несколько — по количеству самих жизней, прожитых и проживаемых Фирсовым. Как только перед ним закрывался один шлагбаум, он начинал искать и находил другое направление движения, перекрывали там — устремлялся в иную сторону. И так случалось не раз. Каждая новая жизнь была непохожа на предыдущую, и в каждой ему удавалось и удается самореализоваться.

Фирсов — основатель Европейского университета в Санкт-Петербурге. Уже одним этим он обеспечил себе место в истории русской культуры. Социолог, философ, организатор науки, один из нравственных авторитетов в профессиональном сообществе — это тоже о нем. Он живет в Санкт-Петербурге, а родился в Ростовской области в 1929 году. В 1935-м переехал с семьей в Ленинград, куда отца направили для продолжения службы. Пережил блокаду. Окончил с отличием Электротехнический институт. Был комсомольским лидером этого института. Начал делать номенклатурную карьеру. Проявил себя на главных должностях в райкоме и обкоме ВЛКСМ. Стал первым секретарем райкома партии. Получил приглашение на работу в ЦК КПСС... Но здесь лучше прервать цепь его многочисленных трансформаций. Иначе вам будет неинтересно, как инженер-электрофизик стал социологом, доктором философских наук, а партийный функционер, победной поступью шедший к вершинам власти, сделался убежденным

критиком советского строя, либералом-западником, чуть ли не диссидентом. Объяснение этим метаморфозам во многом дает его книга «Разномыслие в СССР. 1940—1960-е годы». Ее тема — постепенное разрушение монолита советской системы в сфере сознания. В ней описан и опыт его собственного прозрения. Эта книга будет сопровождать нас на всем пути нашего повествования, ее фрагменты послужат эпиграфами ко многим главам.

Судьба Фирсова — типичная судьба шестидесятника. Путь, пройденный им от бездумного одобрения советского мироустройства до его осознанного неприятия и осуждения — о, как знаком нам этот путь! Пункт отправления — XX съезд. Далее — со всеми остановками: «вернуться к ленинским истокам» — «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» — Хрущев в Манеже — дело Синявского и Даниэля — вторжение в Чехословакию — психушки для диссидентов — травля и высылка Солженицына — «груз 200» из Афганистана — Горбачев, перестройка, «процесс пошел» — плохой Сталин, хороший Ленин — демократическая платформа в КПСС — саперные лопатки в Тбилиси — штурм телецентра в Вильнюсе — сжигание партбилета в прямом эфире. Этот «поезд» терял пассажиров на каждой станции. Фирсов сошел давно, где-то на перегоне между «Хрущевым в Манеже» и «делом Синявского и Даниэля».

Диссидентом он не был, конечно. Он был «молчаливый резистанс» — так Александр Галич называл тех, кто внешне был лоялен системе, но мысленно сопротивлялся ей. Что это значит, Фирсов объяснил на собственном примере: «Как человек советский, я искал и находил свою меру и форму притяжения правил советской жизни, а также свою меру и форму отчуждения от них». И вообще он считает, что антитеза «диссидент — конформист» не исчерпывает ни социальных позиций, ни психологического склада личности. Настаивает на том, что есть и промежуточное умонастроение, «когда ты еще не можешь бросить вызов власти, социальному порядку, идеологии, стране, но уже не хочешь пассивно следовать велениям этой власти, бездумно принимать существующий порядок и слепо верить в справедливость господствующих в стране социальных взглядов и учений».

Фирсов вписан в контекст русского XX века. Вне этого контекста его судьбу нельзя ни объяснить, ни понять. Прикоснувшись к этой судьбе, бросим прощальный, исполненный благодарности взгляд на русскую интеллигенцию. Она исчезает, уходит за исторический горизонт. Герой этой книги — один из последних ее представителей.